

НА СЕВЕРЕ ЗНАЛИ ДРУГОГО СТАЛИНА

Версия первая

120-летний юбилей Сталина вызвал новую волну интереса к его биографии и революционной деятельности. Работая над книгой "Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920 – 1930-е годы", я обратил внимание на то, что культ вождя на Вологодчине формировался на рубеже 20–30-х годов труднее, чем в других регионах страны.

С тяжелым чувством, например, уезжал из Вологды в мае 1929 года после очередной губпартконференции секретарь Севкрайбюро ЦК ВКП(б) С.А. Бергавинов. А вывели его из себя слишком смелые вопросы вологжан о причинах резко меняющейся политики:

"Если сейчас говорим о разжигании классовой борьбы, почему т. Сталин говорил в 1925 году, что разжигание борьбы есть меньшевистская энциклопедия? (так по тексту документа. – С.Ш.);

Почему Сталин говорил о единстве в Политбюро тогда, когда его не было?"

Отчаянно сражались коммунисты Вологодчины против замены местного партийного руководства, которого добивалась формирующаяся администрация Северного края, смело выступали за то, чтобы центр края был не в Архангельске, а в Вологде.

Одной из причин вологодского "уклона" был недостаточный авторитет руководства партии и ее вождя. Сталина здесь хорошо помнили не столько в качестве неслгибаемого героя-революционера, сколько в качестве "чудака Иосифа" да ссыльного бабника, немало наследившего на Севере.

Интересно то, что решение о ссылке И.Джугашвили в Вологодскую губернию, судя по документам, принималось 29

сентября 1908 года самым Председателем Совета министров России П.А. Столыпиным. А вологодским губернатором был в то время А.Н. Хвостов, будущий министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов.

Спустя почти полгода, 24 февраля 1909 года, Коба по этапу прибыл в Сольвычегодск. С 24 июня до 24 марта 1910 года он находился "в бегах", в конце октября вновь водворен в Сольвычегодск. "За окончанием срока ссылки" 6 июля 1911 года ему был разрешен выезд в Вологду, где он проживал до 6 сентября – дня отъезда в северную столицу. После очередного задержания в Санкт-Петербурге, 5 декабря, новая ссылка и снова в Вологду, откуда скрылся 28 февраля 1912 года. Таким образом, Сталин пробыл в северной ссылке более 18 месяцев. Они отложили недобрый отпечаток в памяти будущего вождя о пребывании на Севере, и для этого были веские основания.

Не случайно Василий Белов, хорошо знающий историю и психологию северян, в книге "Год великого перелома", описывая день пятидесятилетия Сталина, находит необходимым включить в повествование реакцию вождя на приветственную телеграмму из Архангельска.

"Свяжись с Бергавиновым, – говорит юбиляр Поскребышеву, – скажи ему, что переименовывать города намного легче, чем строить социализм. (Льстец Бергавинов предлагал тогда переименовать Архангельск в Сталинопорт. – С.Ш.) Пускай лучше **поскорее разбирается с вологодскими правыми**".

Вологда к концу 20-х годов оказалась своеобразной Меккой новой экономической политики в ее северном варианте. Сочетание недостаточной авторитетности Сталина с укоренившимся здравым смыслом северян и дало так называемый эффект правого уклона Вологды, выступающей против политики "великого перелома". Архангельские "оппортунисты" к этому времени уже были разгромлены.

"Кавказец" и северянки

Для жителей Вологодчины не были секретом амурные связи ссыльного Иосифа. Достаточно вспомнить его внебрачного сына Константина Кузакова, которого здесь хорошо знали в конце 20-х годов местные комсомольцы. Да и сам Кузаков накануне своего 90-летия в газете "Аргументы и факты" признал, что "был еще совсем маленьким, когда узнал, что я сын Сталина".

Мать, Матрена Прокопьевна Кузакова, в Сольвычегодске была известна, по словам Э.Радзинского, как гостеприимная хозяйка многих революционеров. Интересная информация о связях молодого Джугашвили с вологодскими представительницами слабого пола имеется в архивах.

Оказывается, свой первый побег из Сольвычегодска 29-летний ссыльный совершает с помощью учительницы Мокрецовоной, переодевшей его в женский сарафан и в этом одеянии проводившей беглеца до лодки, на которой он "уплыл на большую землю".

Ссыльного "кавказца" тепло вспоминает и 17-летняя, в ту пору, Софья Крюкова, учившаяся на портниху в семье домохозяйки, у которой квартировал Сталин: "Думаю, что не может быть, чтобы Иосиф Виссарионович меня забыл, всегда он был очень внимательным ко мне". Ее откровенное признание было предусмотрительно вычеркнуто цензорами из текста подготовленной рукописи книги "Сталин в царской ссылке на Севере", так и не увидевшей свет.

Показательна и история взаимоотношений И.Джугашвили с парой несостоявшихся молодоженов. Самым близким знакомым Иосифа в Вологде был торговый служащий, в недавнем прошлом ссыльный, П.А.Чижиков (умерший, якобы, от туберкулеза в 1919 году в Харькове в возрасте 31 года. – С.Ш.). Это с его паспортом Сталин выехал 6 сентября 1911 года в Санкт-Петербург.

Незадолго до отъезда будущего вождя народов в северную столицу к 23-летнему Петьке, так по обыкновению называл его Сталин, приехала симпатичная девушка Пелагея (Поля) Ануфриева, закончившая Тотемскую женскую гимназию. Судя по документам и книге Е.Громова "Сталин: власть и искусство", молодые люди собирались пожениться. Во всяком случае, девушка остановилась на квартире своего знакомого.

У вологодских жандармских филеров, следивших за ссыльными, Пелагея проходила под кличкой "Нарядная", П.Чижиков был прозван "Кузнецом", а Джугашвили – "Кавказцем". "Кавказец", судя по донесениям филеров, быстро расстроил этот брак. В конце августа – начале сентября он нередко надолго задерживался у "Нарядной" в отсутствие жениха, попавшего, по-видимому, под полное влияние старшего товарища. Вот какие дословные донесения местных филеров об этом треугольнике зафиксированы в архиве:

"24 августа, уже на следующий день по прибытию "Нарядной" в Вологду, "Кавказец" оказался с ней в доме Беспалова, "откуда его выхода" филер "не видел".

25 августа в 12 часов дня "Кавказец" "был взят из дома Беспалова вместе с "Нарядной" и проведен в детский сад, где к ним присоединился "Кузнец".

26 августа около полудня "Кавказец", "Нарядная" и "Кузнец" расстались, "Кузнец" пошел без наблюдения. "Кавказец" и "Нарядная" пошли в аптеку Линдер, где пробыли семь минут и пошли в дом Беспалова в квартиру "Нарядной", где пробыли четыре часа. Вышли "Кавказец" и "Нарядная" и пошли в детский сад, где, дождавшись запора магазина, вышел к ним "Кузнец", и пошли все трое в квартиру "Кузнеца" и "Нарядной", откуда выхода "Кавказца" не заметил".

27 августа в девять часов сорок пять минут утра "Кавказец" вышел из вышеупомянутого дома..."

Затем до 31 августа "Нарядная" не фигурирует в донесениях филеров.

31 августа в семь часов вечера "Кавказец" вторично вышел из своей квартиры и проведен в дом Беспаловой в квартиру "Нарядной" и "Кузнеца". Через один час тридцать минут в свою квартиру пришел "Кузнец". "Кавказец" пробыл два часа, вышел и пошел домой".

3 сентября в семь тридцать часов вечера в квартиру "Нарядной" пришел "Кавказец", через сорок пять минут пришел "Кузнец". "Кавказец" пробыл час тридцать, вышел и пошел домой".

Примечательно, что в подготовленной к печати книге о сталинской ссылке эти документы приводятся, однако с серьезными купюрами, которые могли бросить тень на вождя, что является лишним подтверждением нашей версии.

Сохранились воспоминания "Нарядной" о встречах со Сталиным, книга, подаренная ей с шуточной надписью: "Умной скверной Поле от чудака Иосифа", и две открытки от вновь сосланного в Вологду Джугашвили в декабре 1911 года.

Открытки, адресованные в Тотьму, куда Пелагея вернулась после вологодских каникул и несостоявшегося брака с П.Чижиковым, интересны как по форме, так и по содержанию. На первой, декабрьской, изображены нимфы с обнаженными грудями, а на второй – скульптурные фигуры целующихся обнаженного мужчины и полуобнаженной женщины. Любопытен текст открыток: "Ну-с, "скверная" Поля, я в Вологде и целуюсь с "дорогим", "хорошим" Петенькой (несостоявшимся женихом Полины. – С.Ш.). Сижу за столом и пью за здоровье "умной" Поли. Выпейте же и Вы за здоровье известного Вам "чудака". Иосиф".

В февральской открытке кавказец дружески нежен:

"...За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горrrrrрячо (просто целовать не стоит). Иосиф".

Коба – провокатор?

Слухи о том, что Коба был связан с царской охранкой, появились уже в начале его революционной деятельности. Еще в 1919 году были обнаружены 12 провокаторов, работавших среди большевиков. А вот тринадцатый, имевший кличку Василий, так и не выявлен. К вопросу о возможном провокаторстве Сталина вернулись во времена Н.С. Хрущева. Однако, по словам известной революционерки Ольги Шатуновской, Хрущев отказался использовать компрометирующие Сталина материалы со словами: "Это невозможно! Выходит, что нашей страной тридцать лет руководил агент царской охранки?"

Тем не менее тема эта вновь всплыла в 80–90-е годы. Высказываются различные точки зрения. Э. Радзинский, например, предлагает в своей объемной книге "Сталин" версию о том, что Коба был двойным агентом, что Ленин якобы знал о его использовании царской охранкой, однако польза, приносимая большевикам, перевешивала, и поэтому молодой грузин оказался в руководстве партии.

Обратим внимание на некоторые архивные материалы о пребывании Джугашвили на Севере и мы. Вологодская ссылка дает богатую пищу для размышлений по крайне запутанному и деликатному вопросу о том, был ли Сталин двойным агентом и не был ли он связан с царской охранкой, находясь в ссылке в Сольвычегодске и Вологде.

Из донесений тех же филеров, следивших за будущим генсеком в Вологде в июле–августе 1911 года, видно, что Сталин вел далеко не соответствующий сложившимся стереотипам образ жизни. В библиотеке бывал нечасто, задерживался там ненадолго, не раз штрафовался за потерю литературы и несвоевременное ее возвращение. "Кавказец" изо дня в день навещал своих знакомых, но к себе в дом никого не приглашал.

Только однажды, по воспоминаниям вологодской девушки С.П. Крюковой, "...приходил к нему на квартиру (в декабре 1911 – январе 1912 гг. – С.Ш.) один товарищ такого же роста, как Иосиф Виссарионович, тоже смуглый". Листая желтевшие документы, я вновь натолкнулся на описание человека, похожего на Сталина, уже в воспоминаниях другой женщины. Она была поразительно наблюдательна, практична и близко знала Иосифа Виссарионовича во время его первой ссылки в Сольвычегодск (ссылочный был дружен с ее мужем и часто бывал у них дома). Из ее воспоминаний узнаем: "Иосиф Виссарионович строго следил за работой каждого члена группы и требовал отчета о проделанной работе. Были среди этой группы люди-изменники, но с такими расправлялись по-своему. Пример, был ссылочный по имени Мустафа, а фамилии я не помню, лет ему было 27-30, он был среднего роста, черноватый, он-то и оказался изменщиком. Он, по словам второго их товарища по имени Карл, фамилии я не знаю, был утоплен под большим угором р.Вычегды. Карл имел лет 20-23. Он принес купленного барана на базаре и просил его зажарить всего, говоря, это будет тризна о Мустафе. Справив тризну вечером по Мустафе, Карл в эту ночь бежал из Сольвычегодска".

Не слишком ли демонстративной была тризна по Мустафе? И не он ли объявлялся позднее в Вологде на квартире Сталина? Тем более что так и не установлена личность человека, сопровождавшего Сталина в поезде от Вологды до Петербурга в сентябре 1911 года.

В телевизионном семисерийном фильме "Сталин" имеется несколько сюжетов, посвященных пребыванию вождя на Севере. Один из них – рассказ сына Абрама Исааковича Иванянца о трагической судьбе родителей. Гибель отца была связана с тем, что Сталин узнал его при неожиданной встрече в Москве в 1936 году.

Действительно, судя по документам, "бывший студент Томского технологического института, уроженец г. Кубы Ба-

кинской области" А. Иванянц находился в ссылке в Вологде одновременно со Сталиным. Больше того, в жандармских сведениях о И.В. Джугашвили в разделе "Революционные связи в Вологде" А. Иванянц проходит под первым номером. Он был обыскан в связи с арестом Сталина в Санкт-Петербурге за попытку прописаться в гостинице с чужими документам. Интересно, что Абрам Исаакович "производил денежные сборы среди ссыльных и оказывал помощь заключенным в Вологодской губернской тюрьме". Чем он оставался опасен для вождя спустя четверть века, остается тайной.

В доме, где снимал комнату, Сталин не обедал, на его столе кроме чайника, по свидетельствам очевидцев, ничего не было. Вопрос этот заинтересовал и работника архангельского областного партийного архива Пирогова, опрашивавшего в январе 1936 года близкую знавшую ссыльного С. Крюкову:

"Редко обедал, говорите, а как это было, приглашали или как?"

-Крюкова: На своем содержании жил, не готовили для него ничего.

-Пирогов: Сам продукты покупал?

-Крюкова: Вероятно, в столовой где-нибудь обедал".

Это было достаточно накладно для обычного ссыльного, получавшего 7 рублей 40 копеек месячного содержания, если учесть, что снимаемая комната в месяц обходилась в три-четыре рубля. Из вологодской ссылки Сталин не обращался за финансовой поддержкой ни к друзьям, ни к организациям. А вот оказавшись в Сибири, он буквально "бомбардировал" просьбами о денежной помощи.

Обращает на себя внимание излишняя "легкость", с которой Сталин в случае партийной необходимости "может сняться" из ссылки, о чем он и пытался сообщить Ленину. Однако, очевидно, нужды в "задыхающемся без дела Кобе" не было, и он продолжал отбывать свой срок на Вологодчине.

Казалось бы, сиди тихо, зачем рисковать накануне долгожданной свободы и так необходимой легальности. Ан нет, будущий вождь принимает участие в первомайской сходке ссыльных. Почти два месяца спустя, 23 июня, он получает от сольвычегодского уездного исправника "билет" такого содержания: "Предъявитель сего И.В. Джугашвили подлежит согласно постановления Вологодского губернатора от 18 июня с.г. за № 360 выдержанию под арестом в полицейских камерах, в течение трех суток с 23 по 26 июня сего 1911 года". В то время как другие арестованные, в частности, А.Шур и А.Лежаев, были подвергнуты заключению в тюрьме.

Еще один немаловажный нюанс заключается в том, что 27 июня, т.е. на следующий день после отсидки в "полицейских камерах", Сталин от надзора полиции был освобожден. А на запрос Вологодского жандармского управления о необходимости проведения обыска на квартире ссыльного перед его близившимся отъездом московское охранное отделение 28 августа ответило: "Обыск Джугашвили недопустим, случае отлучки сопровождайте наблюдением, одновременно телеграфируя мне времени, направления поездки. поковник Заварзин". Причем накануне выезда Джугашвили из Вологды в Москву и Петербург начальникам охранных отделений были посланы телеграммы.

В Петербург, куда направлялся бывший ссыльный, не имея на то разрешения, из Москвы поступила еще одна директива: "Прошу не подвергать аресту, выезде сопровождать наблюдением, подробности почтой".

Удивительна лояльность жандармского управления по отношению к Сталину. Он "скрывается" из Сольвычегодска в июне 1909 года, затем в сентябре 1911 под чужим паспортом уезжает в запретный для него Санкт-Петербург. И каждый раз ссыльного по его желанию возвращают в Вологду.

Бакинский градоначальник, между прочим, в июне 1910 года предлагал по отношению к Джугашвили "принять выс-

шую меру взысканий – высылку в самые отдаленные места Сибири на 5 лет". Сталин, узнав об этом, 29 и 30 июня обращается с прошениями: "...Не понимаю такой суровой меры, считаю необходимым заявить, ... что при задержаниях за мной ничего предосудительного не находилось".

"Ввиду имеющегося у меня туберкулеза легких... прошу применить возможно меньшую меру пресечения. Одновременно прошу разрешить вступить в законный брак с проживающей в Баку С.Я.Петровской." (Еще одна загадка. – С.Ш.)

Два месяца спустя канцелярия заместителя на Кавказе удовлетворяет прошение Иосифа Виссарионовича: "Принимая во внимание, что И.В. Джугашвили из места высылки Вологды скрылся..., признать необходимым отправление его в место прежней ссылки".

Вождь – мистификатор

На все эти тонкости автор, может быть, не обратил бы внимания, если бы не пристальный интерес к материалам ссылки И. Сталина со стороны НКВД в последующие годы, в годы "великого перелома". Новая волна интереса к ссылке вождя на Север наблюдалась во второй половине 1930-х годов.

22 декабря 1936 года, как раз после дня рождения Сталина, секретарь Севкрайкома Д. Конторин телеграфировал в "ЦК ВКП(б) тов. Ежову Н.И.", что "**согласно наших переговоров** посылаем по описи дела, извлеченные из Северного краевого архива, о царской ссылке тов. Сталина в гор. Сольвычегодск и Вологду в году 1909-1912".

Однако 8 апреля 1938 года заведующий архангельским отделом Центрального партархива Федосеев вынужден вновь докладывать в управление НКВД по Архангельской области: "Согласно вашего требования высылаем копию описи на архивные материалы о ссылке тов. И.В. Сталина, направленные в

ЦК ВКП(б) в 1936 году, и опись на архивные материалы, находящиеся в Истпарте".

Дело, скорее всего, обретает нешуточный оборот, и через неделю "тов. Дементьеву НКВД" поступает еще одно письмо следующего содержания:

"Дело № 1903 о тов. Сталине, полученное в Вологодском архиве Хорошко и Сенчуковым, сфотографированное Истпартом, бывший секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Конторин (разоблаченный как "враг народа") заделал при мне лично в конверт с адресом на имя тов. Поскребышева (секретариат тов. Сталина. – С.Ш.). Препроводительную писал Попов Николай, работавший тогда в отделе печати, он должен это помнить. Отсылал Конторин это дело, вероятно, через фельдсвязь, через своего секретаря Толстикова (арестованного органами НКВД). Было это в тот момент, когда по распоряжению Конторина отсылали дела, хранившиеся в Истпарте, на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. Ежова Н.И. Эти дела на имя тов. Ежова в заделанном виде мной и тов. Федосеевым были переданы фельдсвязи для отсылки по указанному выше адресу. Опись на отосланные дела тов. Ежову имеется у вас в НКВД. Зав. истпартотделом Арх. обкома ВКП(б) Пирогов".

В мае заведующий Истпартом Архангельского обкома Пирогов получает письмо из Москвы следующего содержания:

"По поводу Вашего письма в редакцию "Правды Севера" о публикации историко-партийных материалов сообщаем, что такая публикация в местной печати целесообразна. Желательно, однако, чтобы предполагаемые к публикации материалы и фото предварительно присылались в Институт Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ) для просмотра. Документальные материалы и снимки, касающиеся тт. Сталина, Молотова и Ворошилова, должны обязательно до их опубликования представляться в ИМЭЛ. Зам директора В. Сорин". На письме резолюция секретаря обкома: "Для руководства и исполнения".

31 мая уже в совместном письме завистпартотделом Архангельского обкома Пирогов и заведующий областным архивным отделом Центпартархива Федосеев еще раз подтверждают, что "документы высланы еще в 1936 году... Если Вы считаете необходимым сосредоточить хранение всех документов, относящихся к пребыванию И.В.Сталина, ...просим Вас обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) т. Ежову Н.И. и Секретариат т. Сталина к т. Поскребышеву".

Интересно и то, что новый секретарь обкома А.Никаноров, как и его предшественники В.Иванов и Д.Конторин, продолжил достаточно активно собирать материалы о пребывании Сталина в ссылке на Севере. Но такое хобби, несмотря на подбострастие подчиненных, видимо, не устраивало Хозяина Кремля. Любопытные не в меру функционеры были репрессированы.

Почему материалы сталинской ссылки на Север "извлекались" из Северного краевого архива? Почему они направлялись на Ежова, Поскребышева? Зачем потребовалось уточнение всех этих материалов два года спустя? Почему ИМЭЛ располагал информацией о редакционной почте архангельской областной газеты? Не сыграл ли свою роковую роль в трагической судьбе А. Никанорова излишний интерес к биографии вождя? Почему, наконец, так и не была издана книга, подготовленная историками Севера о сталинском пребывании в Сольвычегодске и Вологде?

Вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. Автор склонен думать, что разговоры о причастности Сталина к царской охранке небеспочвенны, надеюсь, что историки Севера докопаются до истины в этом вопросе. А пока для размышлений...

Еще одна версия

Э. Радзинский считает, что Сталина большевики "сдали" царской охранке после выборов в IV Государственную ду-

му, так как в нем отпала нужда. У меня складывается другая версия. Выше уже указывалось на то, что решение о высылке в Вологодскую губернию принималось самим П.А.Столыпиным, Председателем Совета министров и министром внутренних дел.

Последующие аресты и ссылки Сталина характерны не только подозрительной лояльностью царской охранки по отношению к видному деятелю большевистского движения, но и долгими "размышлениями" органов внутренних дел о мерах пресечения и наказания. В 1910 году исследователям биографии не удалось даже проследить "этапный путь арестованного из Баку в Сольвычегодск". Это признание тоже оказалось вычеркнутым в подготовленной к изданию книге "Сталин в царской ссылке на Север".

Определенным рубежом между Сталиным-провокатором и Сталиным-революционером оказалась, возможно, смерть П. Столыпина и последовавшее со стороны руководства РСДРП признание И. Джугашвили в качестве одного из вожаков большевистского движения. В архиве имеется письмо вологодского губернатора вологодскому полицмейстеру от 4 сентября!

В нем губернатор "запрашивает полицмейстера: где находится И. Джугашвили, в Вологде или выбыл и, если выбыл, то куда?" Не увязывается ли любопытство губернатора с известием о смертельном покушении на П. Столыпина в Киеве 1 сентября? Может быть, Коба не случайно срывается из Вологды 6 сентября 1911 года в Санкт-Петербург, несмотря на то, что, во-первых, въезд туда ему был запрещен, во-вторых, у него была возможность оставаться в Вологде до 25 сентября и получить за это время необходимые документы для легальной жизни.

Ссылный тем не менее выезжает, не дождавшись выдачи паспорта на свое имя, с документами П. Чижикова. Скорее всего, он едет в столицу тоже в связи с получением извест-

тия о смерти Столыпина, наступившей, как известно, в результате так и не раскрытого до конца покушения в Киеве, с целью выяснить свою дальнейшую судьбу в жандармской иерархии.

Не случайно в Санкт-Петербурге, по словам Э. Радзинского, он буквально искал контактов с охранкой. По всей вероятности, новое руководство Министерства внутренних дел не произвело на него должного впечатления, хотя окончательно Коба еще не порывает с ним отношений. Сталина весной 1912 года ссылают в Нарымский край, но "не мешают" ему совершить "пятый героический побег" в надежде на продолжение сотрудничества.

Однако судьбе было угодно распорядиться по-другому. Сталин, видимо, оставался агентом царской охранки до поездки за границу осенью 1912 года и до встречи с Лениным. Не большевики сдали его царской охранке, а сам Сталин порвал с ней после того, как его признали в качестве одного из лидеров большевистского движения. И когда его вновь арестовывали в апреле 1913 года, Иосиф Джугашвили уже не идет на сотрудничество с прежней властью.

Поэтому его последняя ссылка в Туруханский край и продолжалась в отличие от предшествующих целых четыре года вплоть до Февральской революции.

Правда Севера. 1999. 22 декабря.